
Я – чёрная кошка, пантера, Багира,
И мне поклоняется добрых полмира.
Я – женщина-кошка, я – вечная тайна,
И каждая встреча со мной – не случайна.

Мужчин восхищаю точёной фигурой
И томностью взгляда, и бархатной шкурой.
При мне испокон веков царская статья
(Сидеть при царице?! Как смее! Встать!)

Само совершенство, награда за муки...
Но горе тому, кто возьмёт меня в руки
И в клетке захочет держать, словно птиц, –
Ведь ярость кошачья не знает границ!

Я – кошка-богиня, я – мудрая Баст.
Иной за меня и копейки не даст,
А кто-то другой, несомненно, влюблённый,
Готов предложить за меня миллионы.

Я – дикая кошка, я – символ свободы,
И в реках скорее вспять ринутся воды,
Чем кошка – и это уже не отнять! –
Сама по себе перестанет гулять.

Моё сердце не терпит отсутствия стрел Купидона,
Подставляю под свежие стрелы белёсые шрамы.
Мне неведом покой, состояние «быть невлюблённой»,
Слёзы, боль и тоска – тоже часть этой вечной программы.

Как преступник на смерть, я иду на любовь обречённо,
Между рёбрами рану привычно рукой зажимая.
Кровоточа стихами в ночи ослепительно-чёрной,
Вопреки всякой логике чувствую: снова живая.

* * *

Ты – моя тихая знойная
 нежность,
Ты – солнца дар,
 вдохновение от Бога.
Я – стройных планов
 досада-погрешность
В жизни твоей,
 что суть есть дорога.
Ты – морок мой, беспробудное
 пьянство
С дикою страстью в крови
 вместо виски.

Я – твоё вечное непостоянство,
 Дочь полнолуния, азарта
 и риска.

Ты – мой приют,
 Ты – мой путь восхождения
К новым олимпам, парнасам,
 пальмирам.

Я – катастрофа твоя,
 наваждение
В трубке мобильной
 полуночным вампиром.

Что между нами?
 Беззвёздных ночей свод.
Полулегальные странные встречи.
Ты – одиночество.
 Я – одиночество.
Время не лечит. Не лечит!
 Не лечит...

* * *

Прильнёшь ко мне, обняв ручонкой нежно,
И, улыбаясь, замираю от блаженства...
С восторгом слушаю, как маленький мой гений
Нить тянет первых важных рассуждений.

Тебе всего три года с небольшим,
Но мудрость черпаю в тебе, – мой старший сын.

Пусть плохо получается, но так упрямо
Беззубым ротиком ты произносишь «мама».

И исчезает мир в потоках света,
И за окном уже не дождь и слякоть – лето!

Тебе лишь годик, младший мой сынок,
А ты уже стать лучше мне помог.

Сыновья – моя отрада.
Но моя ли в том вина,
Что порою мне наградой
Час, когда совсем одна.

Знаю, после пожалею,
Вспоминая вновь и вновь:
И ласкать-то не умею,
И скупа я на любовь.

Не успею оглянуться –
Буду плакать по ночам
И в последний раз тянуться,
Чтоб прильнуть к родным плечам.

«Ведь у нас своя дорога.
Что ты, мама? Право, брось!»
И пойдут, шагая в ногу,
Как один – вперёд... и врозь...

Напутствие моему новорождённому сыну

Тебя зовут Артём. Не имя – песня!
В нём – горна звук и рыцарская статья.
Для мальчика нет имени чудесней!
Но имя это надо оправдать.

Будь смелым, сын, и чти законы чести,
Будь терпелив, но нетерпим ко лжи,
Да не отравит ум твой мысль о мести!
Предателя презреньем накажи.

Другим спеша помочь, не жди подсказки,
Но за подмогу плату не бери.
Для дам прекрасным принцем будь из сказки.
Гордыню, алчность в сердце умири.

Где б ни встречал рассветы взрослой жизни,
Родных отца и мать не позабудь.
Будь предан всей душой своей Отчизне.
Храни тебя Господь! Ну, в добрый путь!

Что ж, пора признать: ты победил.
SOS глазами посылаю слёзно.
Мой корабль любовь избороздил,
Выверяя путь свой лишь по звёздам.

Что ж, пора узнать, почём теперь
Лихо продают, и фунт отмерить,
Завести дневник своих потерь,
Сердцем продолжая слепо верить.

Что ж, пора понять: а в чём мораль?
Не играй с огнём – не обожжёшься?
Жизнь – не вечный рай, не пастораль?..
Я молчу навзрыд, а ты смеёшься.

- Ты ведь тоже не с этой планеты,
И тебе её тоже не жаль.
Не нужны нам маршрут и билеты,
Чтоб умчаться в звёздно-пыльную даль.

- Я давно запланировал вечность
На просторах далёкой луны,
Где пасётся шальная беспечность,
И цветут позабытые сны.

- Я покладистой буду и кроткой,
Перестану, как раньше, чудить,
Невесомую лунной походкой
Буду в гости к тебе приходить.

- Я отброшу всё то, что тревожит,
Всю печаль, что на сердце ношу,
Крылья вновь отращу и, быть может,
Песню лучшую я напишу.

- А когда станет тесно нам слишком
И износится время до дыр,
Вспыхнем вдруг ослепительной вспышкой...
И обнимем собою весь мир.

Было это тому назад тысячи лет...
Ты был влюблён в меня, я в тебя ещё нет.
Я прогоняла: «Пока не поздно – беги!»
Ты след на песке целовал от моей ноги.
«Ведьму полюбишь – навек потеряешь покой!»
Ты всё твердил: «Мне жизни не будет с другой».
«Соки, - пугала, - все вытяну и погублю».
Ты шёл за мной, стиснув зубы: «Люблю. Люблю!»
«Ты проклянёшь, пожалеешь, как было не раз!»
Ты же с меня не сводил восхищённых глаз.
И вот за то, что остался тогда со мной,
Я поделилась вечной своей весной.
Годы вдвоём пронеслись стайей радужных птиц...
Я пред тобою склоняюсь, падаю ниц.
Чары рассеялись, больше не ведьма – чиста!
Жизнь начинаю с нетронутого листа.

Без боли любви не бывает.
Слова эти в глаз, не в бровь.
Если любовь убивает –
К чёрту такую любовь?!

А если, как воздух, нужен?
Не жить без него, не дышать?..
Я нынче во всеоружии,
Попробуйте помешать!

Повесьте замок на двери –
Вся страсть моя станет ключом!
Я брошусь безумным зверем
На встречу с моим палачом...

Я выпью любовь до капли –
Отравленный райский мёд.
Да, снова на те же грабли!
Но тот, кто любил, поймёт.

Все в доме крепко спят, уж за полночь давно,
Я в темноте стою одна, смотрю в окно.
Я не могу, не в силах отвести глаза:
Там, за окном, гроза, гроза, гроза, гроза!

Раскат швыряя за раскатом, злюка-гром,
Как дети мяч о стену, лупит в каждый дом.
Перекрывая вечный шум автомашин,
Он безраздельно нынче властвует один.

А молния иглою острой, озорной
Сшивает чёрный бархат неба надо мной.
Но не успеть игле прореху залатать –
В неё прольётся дождь...
Он будет бить, хлестать,

Стеной стоять, дробиться в бисер, стервенеть,
Стонать, шептать молитву, петь, кричать, звенеть,
И в лужах пениться, и серебром дарить,
Грехи с души смывать, и волшебство творить.

Затем, сменив великолепный джаз на блюз,
Дождь удалится, поразвесив нити бус.
Ну а пока смотрю в окно во все глаза:
Там, за окном, гроза, гроза, гроза, гроза!..

Весенняя бессонная.

А на улице весна...
Снова я брожу без сна.
Гибкой кошкой на чердак –
Душу за луны пятак.
Вижу я: то там, то тут
Сны над городом плывут,
За антенны задевают,
К адресатам заплывают.
У того, кто одинок,
Чуток сон и неглубок.
У субъектов толстокожих
Сны никчёмны и похожи.
У отдельных индивидов
Снами все шкафы забиты.
А кому-то не до сна...
Что поделаешь – весна!

Молода ещё,
 волос с проседью -
Будто летом вдруг
 веет осенью.
Да и на сердце
 осень и покой,
Дни текут рекой,
 тихою рекой...
Только вдруг придёшь
 под моё окно,
Песню заведёшь,
 что мертва давно:
- Отстою тебя,
 тебя вЫстою!
Во всю мощь люблю –
 так неистово...
Обойму, как встарь,
 рук ободьями,
Подхлестну тебя
 слов поводьями:
-Что ты вспомнил вдруг?
 Снов не вороши!
Крепко заперты
 тайники души.
Я давно не та,
 не подначивай!
Зря стрелу, амур,
 не затачивай!
Побредёшь домой,
 головой поник,
На лицо – июль,
 со спины – старик...
И любить нельзя,
 и хранить не впрок.
Промахнулся бес –
 не тому дал в бок.

Так хочется думать, что всё не напрасно,
Что жизнь мы не зря называем прекрасной,
Что верную выбрали сердцем дорогу,
Что все мы в любимчиках ходим у Бога.

Так хочется верить, что всё обойдётся,
Что после дождя в небо солнце вернётся,
Что вновь откроются закрытые двери,
Так хочется безоговорочно верить!

Так хочется знать, что всегда рядом будет,
Тот, кто не предаст, не продаст, не осудит,
Поддержит, подставит плечо, если нужно,
Что люди способны на крепкую дружбу.

Так хочется видеть улыбки на лицах,
Как стая весенняя в небе кружится,
Как ходит табун вольно по разнотравью,
Как всё, о чём спелось, становится явью.

Во мне живущий дикий зверь сидит, поджавши хвост,
Не понимая, почему дала я слабину.
В решении моих проблем план действий очень прост:
К чертям собачьим всё послать и смыться на луну.

И каждый раз бросает в дрожь от фразы «Ты должна».
Зверь ждёт, готов он цепь мою порвать на раз-два-три.
Быть безупречною для всех бессильна и луна!
Всё, что должна я, - быть собой, тем зверем, что внутри.

Он пришёл и сказал: «Получи
От седьмого неба ключи.
Вот корона. Вот трон. Вот я.
Мы отныне – одна семья».
Я блаженствовала семь дней
И два месяца, что нежней
Были пуха лебяжьего, но
После выпрыгнула в окно.

Я стояла пред ним потом,
Пред его молчаливым судом:
«Знай, мой принц, ты не виноват,
Что позвал меня ветер-брат,
Что милее мне ветхий шалаш,
А не замок красивый наш.
Я – цыганка, бродяжка, рвань,
Я в траве родилась, у рва,
Умывалась дождём, росой,
Сто земель обошла босой.
Воля вольная – мой удел.
Ты же в золото меня одел
И приставил безликих слуг.
Моё царство – весь мир вокруг!
Небо сердцем могу обнять!
Вот такую берёшь меня?..
Жизнь со мною всегда остра.
Будут ночи без сна у костра,
Будем дни напролёт в пути –
Ни назад повернуть, ни сойти.
Вот такую меня берёшь??»
А саму пробирает дрожь...
Долго принц мой смотрел на меня,
Молча хворост принёс и огня.
Ухмыльнулся: «А ты смела!» -
И спалил свой замок дотла.
